Газонокосильщик

Автор:
Александр Гронский

Газонокосильщик

Александр Георгиевич Гронский

Это история взлетов и падений, богатства и нищеты, продажности и верности, любви и ненависти человека, который больше всего любил возделывать свой сад.Содержит нецензурную брань.

«Кому не спится в ночь глухую?.....

Тому, кто захотел другую!

Другую жизнь, другую страсть,

Другую козырную масть…»

Часть первая

Мы случайно встретились с Валькой в коридоре больницы, когда нас обоих готовили к операции по удалению геморроя, крайне распространенного в России и весьма деликатного заболевания. Если вы еще не знаете, что это такое – не обольщайтесь, рано или поздно вам обязательно придется познать все его прелести. Один шутник охарактеризовал геморрой так: представьте, у вас тридцать два зуба и все больны, и все в одном месте – в заднице!

Валька приехал делать операцию в Россию из Испании, где с некоторых пор получил гражданство и теперь почти постоянно проживал. Он поступил так, во-первых, из соображений экономии, а во-вторых, исходя из уверенности в том, что геморрой нужно удалять там, где его нажил. Мой геморрой возник в результате долгого сидения перед мольбертом, а Валькин – из-за постоянного нервного перенапряжения, которое свойственно почти всем внезапно разбогатевшим людям.

Валька со студенческих лет обладал феноменальным умением делать деньги. Двадцать лет назад он ездил на стареньком «Жигуленке», кочевал с одной квартиры на другую, а когда негде было жить, частенько ночевал у меня дома. Еще в школе он занимался мелкой фарцовкой, приторговывал джинсами и модными пластинками. А сегодня Валька обладает многомиллионным состоянием (сколько у него миллионов, точно не знает никто, по-моему, даже он сам), виллой на берегу Средиземного моря в Испании и огромной квартирой в Москве. В дополнение ко всему перечисленному купил шикарный особняк в Подмосковье, имеет солидный парк модных автомобилей, но ездит по привычке на «Гелендвагене». В годы «застоя» Валька работал шабашником – строил фермы и дороги, выбивал дополнительные фонды, строительные подряды и умело дружил с нужными чиновниками разных калибров. Мастер спорта по дружбе! Если бы Валька был министром иностранных дел, то у России не было бы никаких проблем не только с ближним, но и с дальним зарубежьем. А желающие дружить с нами выстроились бы в очередь. Чиновники, хоть и считали себя выше мелкого колхозного шабашника, охотно общались с ним, потому что Валька был предельно циничен и почти всегда исполнял то, чего от него хотели. А хотели всегда одного и того же: денег, дефицитных шмоток, электроники и продуктов, которые в то время надо было уметь доставать, а еще молодых покладистых девок, которых в принципе навалом; но надо было сделать так, чтобы их не приходилось уговаривать. Страной правила коммунистическая бюрократия, которая владела всем и имела всех, а успешнее всего действовала на фронте собственного разложения.

Валька виртуозно умел становиться нужным этим людям, поскольку ничем не гнушался, делал за них всю грязную работу, а в конверте приносил чистый нал. Он вертелся, как заведенный день и ночь, устраивал для начальников пьянки, гулянки с банями и девочками и даже женам, секретаршам и любовницам начальников умудрялся дарить нужные вещички, чтобы через них еще крепче дружить с местными князьками. Он никогда не переоценивал и не выпячивал себя, наоборот, оставался в тени, всячески превозносил заслуги хозяйственных деятелей и партократов, которые не замечали его ничем не прикрытый гнусный

подхалимаж и допускали в круг «избранных».

Круг «избранных» поначалу ограничивался разжиревшим до безобразия председателем колхоза «Путь к коммунизму» Иваном Осиповичем Кириюхой, секретарем райкома партии Николаем Петровичем Дрындуком с вечно расстегнутой ширинкой и бегающими глазками, а также начальником районной милиции Петром Сидоровичем Караваевым, изо рта которого за версту воняло дерьмом, поэтому все подчиненные предпочитали общаться с ним на почтительном расстоянии. Вскоре Валька убедился, что и более высокопоставленные и далеко не бедные чиновники из горкома и даже обкома партии ничем не отличаются от Дрындука с Кириюхой и также не прочь на халяву выпить, а уж тем более попариться в баньке в обществе безотказных девиц, годившихся им в дочери. Причем, чем выше должность, тем более изощренный требовался разврат. Система, построенная на лжи и мифах, самозабвенно разлагалась. А Валька изобретательно способствовал этому и быстро шел в гору, не останавливаясь ни перед чем, чтобы обзавестись еще более крутыми связями, которые в свою очередь помогали улаживать любые проблемы с правоохранительными органами. Быть может, поэтому Вальку так и не посадили, хотя рисковать головой приходилось неоднократно. И не раз, когда черные тучи уже сгущались, он фантастическим образом выпутывался и оставался на свободе. Валька знал маленький, но очень важный секрет выживания в самой богатой стране под названием СССР – никогда не гнать мочу против ветра, т. е. не залупаться против системы! А напротив, всячески подмазывать ее, куда бы она ни катилась.

Когда подул ветерок перестройки, Валька быстро сообразил, что наступило его время. Он был к этому уже давно морально готов, и весь опыт полукриминальной хозяйственной деятельности направил на личное обогащение. Он был молод, предприимчив, расчетлив и быстро сколотил фантастическое состояние. Многие чиновники, всего несколько лет назад не видевшие Вальку в упор и не считавшие за серьезного человека, с удивлением обнаружили в нем акулу современного бизнеса. И теперь уже сами заискивали перед Валентином Ивановичем, звонили, поздравляли со всеми мыслимыми праздниками.

Мы с Валькой были университетскими однокашниками. Нас связывали экстремальные похождения в общагу, студенческие пирушки с портвейном «Три семерки» и участие в университетской музыкальной группе «Red and Black». Вальку всегда тянуло к прекрасному, он обожал стоять на сцене и нервно

дергаться в ритм рок-н-роллу. Он хотел играть вместе с нами на бас-гитаре, но делал это плохо, поскольку у него были явные проблемы со слухом. Ребята даже предлагали выгнать его из ансамбля, но я уговорил их не делать этого. Мучился с ним, заставляя заучивать наизусть музыкальные партии. Но, к сожалению, я не мог подарить ему слух. Валька так и не научился свободно импровизировать на гитаре и играть слету любую новую вещь. Когда он понял, что никогда не сможет соответствовать хотя бы среднему любительскому уровню, сам ушел из ансамбля. А потом Вальке стало скучно грызть гранить науки, поскольку его голова была всегда забита хитроумными комбинациями, каким образом заработать кучу денег. Он бросил университет, не доучившись до конца второго курса.

Валька подался к шабашникам, сколотил бригаду и начал зарабатывать большие по тем временам деньги. Однажды в летние каникулы он взял меня, бедного студента третьего курса. Не потому, что я умел хорошо работать, а потому что был безбашенным, веселым, знал кучу песен и мог неутомимо орать их под гитару без всякой водки часов шесть подряд.

Я работал целый месяц. Бойко крыл железом крыши колхозных ангаров. Вместе со мной колотили молотками еще пять работяг. Они больше всего опасались, что Валька их попросту кинет. Ведь никаких договоров с нами не подписывали. И опасения оказались не напрасными. Валька их обманул. Всех до одного. Обещал заплатить по 500 рублей, а дал по 70, сказав при этом, что вычитает за питание и плохую работу. Но меня Валька не обидел и вместо обещанных пятисот дал на пятьдесят рублей больше, что по тем временам было большими деньгами. Я потом безбедно жил на них почти три месяца.

Первое, что сказал мне Валька, когда мы обнялись в коридоре больницы:

– Ванька, ты знаешь, что такое счастье?! Сам никогда не думал, что самое большое счастье в России – просто посрать спокойно!!!

Наверное, он был прав, потому что богатым людям в нашей стране действительно живется несладко – под постоянной угрозой, что богатство в одночасье отнимут, их самих посадят или пристрелят по заказу конкурентов, а может, и ближайших партнеров по бизнесу.

Перед самой операцией он отключил сотовый телефон, звонивший по триста раз в день, и сказал мне:

– Ты не представляешь, как скучно я живу. Каждый день только и слышу: кто кому сколько должен, кто кого купил и кто кого кинул. Это просто невыносимо… Вот ты занимаешься творчеством и радуешься жизни, а я даже никого трахнуть из-за своего гребаного геморроя не могу…

С этими словами он снял больничную пижаму и отдался в руки двух симпатичных медсестер. Валька, способный купить всю больницу вместе с профессорами и медицинским институтом в придачу, явно нервничал и боялся операции. Напоследок, уже лежа на операционном столе с широко раздвинутыми ногами, стыдливо прикрывая мошонку рукой, он сказал медсестре, вводившей наркоз:

– Вы знаете, обычно в такой позе я привык наблюдать женщин, но сегодня впервые наоборот…

После операции Вальку отвезли в персональную палату в платном отделении, где сервис был поставлен, как в люксе «Метрополя». Каждый день к нему приходила смазливая переводчица и учила английскому языку, который Валька тщетно пытался освоить лет двадцать. У меня закралось подозрение, что Валька с переводчицей не ограничивались изучением английской лексики, потому что со студенческих лет он слыл сексуальным террористом и не мог пропустить ни одной хорошенькой девчонки. Но это были только мои предположения. Не мог же Валька сразу после тяжелой операции зарабатывать новые осложнения.

А меня поместили в обычную бюджетную палату на шесть коек, и то, наверное, исключительно благодаря моим прежним заслугам. Иначе лежал бы я на сквозняке в коридорчике…

Честно говоря, я люблю лежать в больнице. Потому что нигде не увидишь столько хорошеньких медсестер, как в наших больницах. Глядя на них, понимаешь, почему в мире так высоко ценятся русские женщины. Ни в одной другой стране не найти таких добрых, отзывчивых, не избалованных судьбой красивых девчонок, безропотно выполняющих самую тяжелую работу за нищенскую зарплату. Еще я люблю лежать в больнице, потому что здесь никто не дергает, и появляется уйма времени поразмышлять о жизни.

Еще недавно я был любимцем фортуны, баловнем судьбы, моя карьера стремительно шла в гору. Я брался за самые рискованные проекты и неизменно разочаровывал всех, кто пророчил провал. Мои успехи и высокие гонорары не давали покоя коллегам и конкурентам. Обо мне писали газеты и снимали телепередачи, меня узнавали совершенно незнакомые люди на улице, а гаишники не брали штрафов. И мне казалось, что чем лучше работаешь, тем дальше будет легче. Но все обернулось по-другому.

Это был третий по счету кризис, который переживало мое поколение. Первый случился в 1991 году, когда мы только пробовали свои силы в кооперативном бизнесе. Второй – во время дефолта 1998, когда мы потеряли почти все заработанные деньги, но были еще достаточно молоды и здоровы, чтобы начать все сначала. И третий – сейчас, ровно десять лет спустя, в 2008.

Особенности бизнеса по-русски состоят в том, что, если ты имеешь дерзость работать самостоятельно, ни перед кем не прогибаясь, это будет продолжаться очень недолго. Рано или поздно бизнес отнимут или сделают так, что ты его сам отдашь. Два первых лица государства почему-то называли нашу страну «островом спокойствия в океане мирового кризиса» и убеждали российскую общественность в том, что никаких рисков для частного бизнеса в России нет. Но они забыли про самый главный риск, который представляет собой чиновная бюрократия.

Любой успешный частный бизнес обречен, если у вас не налажен с чиновниками неформальный контакт или вам не удалось подружиться с теми, кто пилит бюджеты, а еще лучше – присосаться к какому-нибудь нацпроекту или крупной госкорпорации. Вас «закошмарят», «замочат», сопротивляться устоявшейся системе вымогательства и чиновного произвола практически бесполезно. Упаси Бог бодаться или судиться с системой. Тогда точно уже ничто не спасет. Даже если вы докажете в суде свою правоту, вы не вернете упущенную прибыль, потерянное время, здоровье и цинично убитый бизнес. Я понял эти прописные истины слишком поздно, когда от моего бизнеса остались одни руины и катастрофические долги.

Совсем недавно, посещая раз в месяц модный салон, чтобы постричься, сделать маникюр и педикюр, я не мог себе представить, как люди могут жить почти совсем без денег. Например, на нищенскую пенсию в пять тысяч рублей. Теперь я понимаю их очень хорошо. Но самое печальное, что у меня не оказалось даже заначки на черный день, поскольку я был слишком успешен и уверен, что будет

везти всегда.

Некоторое время я еще держался на плаву по инерции, но спустя почти год после изматывающих судебных процессов, на которые я был вынужден потратить почти все деньги, мое положение настолько усугубилось, что жена не выдержала и ушла от меня. И тут я сделал неожиданное открытие: мужчина, который становится неудачником, при любых обстоятельствах не прав перед женщиной, с которой живет. И еще с грустью думал о том, скольких людей кризис доведет до отчаяния, банкротства, самоубийства и оставит руины от их семей.

Жена не выдержала испытания нищетой, и я нисколько ее не осуждаю. Вероятно, еще одно обстоятельство повлияло на ее решение. За полгода до того, как она бросила меня, я решил подработать хотя бы частным извозом. Но в первый же день убедился, что у извозчиков своя мафия и жуткая конкуренция. Я мотался по городу с полуночи до шести утра, и единственными моими клиентами стали обкуренные парень с девицей, тормознувшие меня около казино «Зеленая капуста». Парень, от которого за версту разило марихуаной, сказал, что они проигрались до трусов, и попросил отвезти их бесплатно на другой конец города. Ничего глупее нельзя было придумать. А на следующий день двое парней почему-то приняли меня за лоха и в последний момент отказались платить. Пришлось драться. Я был настолько возмущен их наглостью, что к большому их удивлению избил обоих. Или все-таки они избили меня? На следующее утро под левым глазом набухла синяя слива с сочным кровоподтеком, видимо, у одного из парней оказался кастет. Голова раскалывалась, будто палач промахнулся и вместо шеи рубанул топором башку. Я лежал дней десять, не вставая. За это время какая-то сволочь разбила камнем лобовое стекло моей машины. Видимо, это был подарок на день рождения. Мне должно было стукнуть 45.

Скорее всего, у меня было сотрясение мозга, но я не мог основательно лечиться. И тут с моей головой стали происходить странные вещи. При малейшей физической нагрузке я испытывал жуткие головные боли. Я никогда не жаловался на здоровье, а сейчас, стоило подняться на третий этаж, как в висках начинал стучать молот, будто им забивали железобетонные сваи, и мне казалось, что вены вот-вот лопнут от перенапряжения. Но самое печальное, что такие же головные боли стали преследовать меня и во время нечастых занятий сексом. Моя жена не могла понять, что происходит, когда в самый

ответственный момент я хватался обеими руками за голову. А я боялся, что голова взорвется, будто пушечное ядро. Так мы перестали спать вместе. Я надеялся, что временно, но через полгода жена сказала, что так продолжаться больше не может.

Моя жена – мой нежный, добрый и терпеливый ангел! Она так похожа на мою мать в молодости, на фотографиях, где маме всего двадцать лет. Но терпению даже самого нежного ангела рано или поздно приходит конец, и меня убивает мысль о том, что я не оправдал ее надежд. Я оставил ей все – квартиру, машину с разбитым лобовым стеклом – и ушел в никуда. Изо всех сил я старался не выглядеть перед ней полным ничтожеством и дать ей шанс на новую жизнь без меня. Я даже подозреваю, что у нее появился к этому времени другой мужчина, но не стал устраивать сцен, потому что она заслуживает хоть немного счастья…

От позора и невыносимой безысходности я всерьез стал думать о том, как свести счеты с жизнью. И если бы существовал стерильный способ самоубийства, то непременно бы им воспользовался. Нажал на кнопочку – и нет тебя, как в компьютерной игре. Но, к сожалению, реальная смерть, а тем более самоубийство доставляют невероятные страдания близким. Отсюда невозможно уйти по-английски, и это очень погано. Одни хождения по моргам и запах разлагающегося тела чего стоят… Обязательно будут расследование, вскрытие, а моя жена такая впечатлительная, она просто не вынесет этого! К тому же десятки посторонних людей будут копаться в моей личной жизни и строить догадки… Ведь я по-прежнему производил на окружающих впечатление вполне благополучного человека.

Я стал думать, как свести счеты с жизнью поизящнее, и чтобы никто не смог заподозрить меня в малодушии. Я привел все свои бумаги и архив в порядок и даже сделал предсмертную фотографию, которую должны были бы нести перед гробом. По ходу придумал шуточную эпитафию: «Он прожил короткую, как оргазм жизнь…»

С тех пор, как Россию в прошлом веке потрясли революционные катаклизмы, процедура похорон и поминания стала такой омерзительной, что мне категорически не хотелось в ней участвовать. Тем более в качестве покойника. Все как будто специально продумано для обогащения кладбищенской мафии и запредельных мучений родных и близких покойного. Начиная с откровенного вымогательства со стороны похоронных агентов и отпевания в церкви усопших атеистов, заканчивая непролазной грязью на кладбище, дробью забиваемых в

крышку гвоздей и опусканием гроба в могилу, наполовину заполненную талыми водами.

Я написал предсмертную записку с просьбой кремировать мое тело и не устраивать никаких похорон, а пепел развеять над морем. Над Средиземным. Потом «Средиземное море» я зачеркнул, поскольку для жены и матери это были бы лишние хлопоты. Записку скомкал, выкинул и написал новую, в которой указал, чтобы ни в коем случае после моей смерти не устраивали никаких поминок…

Но ведь если я оставлю кучу долгов, то все сразу догадаются о причине самоубийства. Да и потом это как-то неблагородно – оставлять после себя долги. Тогда я стал обдумывать, как застраховать свою жизнь на приличную сумму и невзначай разбиться на какой-нибудь старенькой машине, чтобы жена после моей смерти могла получить страховку. Но наши страховые компании оценивают жизнь в смехотворные суммы, а вероятность того, что их выплатят, крайне мала. Тогда я начал строить планы поехать в Чечню, в какой-нибудь гребаный Ирак или другую горячую точку планеты. Но и из этого ничего не вышло.

Однажды я встретил на улице старого школьного друга. Он был крайне удручен и печален. Оказалось, что его молодая жена, подающая надежды столичная актриса, от которой у него было двое детей, заболела раком и умирает. Я подумал: какая несправедливость – она умирает, но хочет жить, а я не умираю, но жить не хочу! Ее карьера была на взлете, ей сыпались десятки предложений сниматься в кино, но она поклялась: если выживет, больше никогда не станет сниматься, а будет заниматься только детьми. Через две недели ее похоронили. И тогда я вспомнил слова Вольтера о том, что нужно уметь с одинаковым мужеством переносить и успех, и поражение, и богатство, и нищету, и, может, даже жизнь, какой бы она ни казалась невыносимой.

Это принесло некоторое облегчение, но я не знал, что делать дальше. Я не представлял, каким образом начать новую жизнь в сорок пять лет, имея в активе, помимо астрономических долгов, только прогрессирующий геморрой. Да, больше всего мучений нам доставляют нереализованные амбиции, они разрушают изнутри, если мы не сумели вовремя их реализовать или похоронить.

Но неужели мои амбиции сильнее воли к жизни, которой, по большому счету, осталось и так немного? Да, я разорился и в одночасье остался без средств к существованию и без работы. Но так полстраны сейчас живет, перебиваясь с

хлеба на воду! А многие попали даже в гораздо худшее положение, чем я. Что может быть хуже нищеты? Вероятно, только окончательная потеря здоровья и близких людей.

Вы знаете, что такое нищета? Это когда полгода чистишь зубы одной щеткой без пасты и ходишь зимой пешком в стоптанных летних ботинках, вместо того чтобы ездить хотя бы на трамвае. Когда на улице меня встречали старые знакомые и спрашивали: «Привет, как дела?» – я пришпоривал себя и, стараясь улыбаться, отвечал: «Спасибо, хуже не бывает!» Но все думали, что я шучу. А небрежность в одежде принимали за особый шик. Я и не пытался никого переубеждать, у меня не было желания тиражировать для посторонних людей свои проблемы. О подлинном положении дел знал только мой друг Мишка Пестров. Он в любое время дня и ночи безотказно давал мне деньги в долг и никогда не спрашивал их обратно. Но так не могло продолжаться до бесконечности! В последний раз, когда я занял у него 200 долларов, он словно почувствовал мое настроение и на прощание сказал: «Вань, ты только глупостей не делай. Приходи в любое время, я дам тебе еще…».

На следующий день я шел по Рождественской улице в поисках милицейской конторы, где мне должны были срочно заменить старый паспорт в связи с тем, что срок его действия истек, и теперь за собственное разгильдяйство мне грозил солидный штраф. В кармане лежали двести долларов, занятые у Мишки для этой неприятной процедуры. На углу рядом с продовольственным магазином ко мне пристал мальчишка лет двенадцати. Он подошел и жалостливо попросил немного денег. Я ответил, что у меня только доллары. Мальчишка оживился, и, выжимая из себя слезу, сказал, что у него умерли родители и вообще он очень хочет есть. Оставлять голодным несчастного пацана было не по-христиански, поэтому я обменял по грабительскому курсу 200 долларов, привел его в магазин и спросил, чего он хочет. Мальчишка сказал, что ему все равно, мол, что купите, то и съест. Но потом неожиданно выяснилось, что он был не один, а с двумя старшими братьями. Те тоже очень голодные и ждут его на улице. Я попытался рассмотреть через витрину магазина его «братьев», которые стояли на другой стороне улицы, слегка пошатываясь, и не были похожи на голодающих. Я понял, что меня разводят на еду, а до этого хотели развести на деньги, но все равно купил мальчишке килограмм докторской колбасы, буханку хлеба, кетчуп, печенья, творожных сырков и апельсинового сока. За все я заплатил почти шестьсот пятьдесят рублей и был этим крайне удручен, поскольку еще совсем недавно на такие же деньги мы с женой покупали гору продуктов, и нам хватало их почти на целую неделю. Однако на мальчишку не произвела впечатления моя щедрость. Он с нескрываемым пренебрежением буркнул мне «спасибо»,

очевидно, рассчитывая на другие формы сострадания, но пакет с едой взял и быстро ушел. А я остался рассматривать ценники на полках, показавшиеся мне безумными, и подсчитывать оставшиеся деньги. Я подумал: если меня обманули, пусть это останется на их совести. Правда, сам я теперь вынужден остаться или без нового паспорта, или без ужина. Но на кой черт мне новый паспорт, если я все равно не собираюсь долго жить? А так хоть какое-то доброе дело сделал. Может быть…

С этой мыслью я купил себе жвачки и в добром расположении духа вышел из магазина. Перейдя через дорогу, я свернул в старенький переулок в сторону отделения милиции, как раз мимо двух странных персонажей – «старших братьев» голодного мальчишки, которые по-прежнему еле стояли на ногах. Я был погружен в свои мысли и вдруг услышал, как кто-то сзади крикнул: «Эй! Придурок!». Поскольку кроме меня в переулке никого не было, очевидно, кричали мне… Я остановился в некотором недоумении, почуяв горечь испорченного праздника. Никто в жизни меня так еще не называл! Неужели это обращение было действительно адресовано мне? МНЕ?!!! Такому большому, умному, красивому и доброму? Неужели я так похож на то, чем меня только что назвали? У меня было полсекунды, чтобы принять решение. Стоило ли связываться с обколотыми наркоманами? Конечно, я мог сделать вид, что ничего не заметил, не расслышал, пройти мимо и навсегда остаться тем, чем меня только что назвали. Но такая жалкая перспектива не оставляла выбора. Я обернулся, чтобы окончательно убедиться, что не произошло никакой ошибки.

– Это вы мне? – как можно дружелюбнее переспросил я молодых ублюдков. Один из них в это время расстегнул ширинку и стал беззастенчиво мочиться на угол дома.

– Тебе, тебе, тля, кому же еще? – с презрением ответил второй и смачно сплюнул через щель между зубами. Его плевок изогнутой соплей шлепнулся об асфальт, зашипел и растворился, а я почувствовал, как мерзкие капельки долетели с дуновением ветра до моего удивленного лица и окропили стекла эксклюзивных очков. На мгновение я увидел себя со стороны, глазами этих подонков. Перед ними стоял неделю небритый, зачмоpенный «ботаник» в модных очках и помятом пиджаке от кутюр, во внутреннем кармане которого оставалось еще почти пять с половиной тысяч рублей. Они смотрели на меня и искренне презирали. Но они грубо ошиблись в главном. Я хоть и ношу очки, но редко проглатываю подобные обиды. Я почувствовал, как внутри заискрило короткое замыкание, возникло ощущение, будто стоишь на последнем этаже высотного

дома перед открытой шахтой лифта и сейчас шагнешь в нее…

Я подошел к обидчику и схватил за горло с такой силой, что у того немного выдавились глаза. Понизив голос, я попросил его повторить то, что он только что произнес в мой адрес. Второй парень, наблюдая происходящее, как триллер по телевизору, явно не спешил вступиться за кореша и таращился на меня глазами сумасшедшего с картины Иеронима Босха. В руке парня я увидел мой пакет с продуктами… Видимо, моя отчаянная решимость произвела на них сокрушительное впечатление. Они, конечно, никак не предполагали, что я решусь связаться с ними, невзирая на их численное превосходство. Оба были явно обдолбаны наркотиками и теперь никак не могли сообразить, как отвязаться от меня.

– Повтори, что ты сказал? – прошипел я и сдавил горло еще сильнее. Так сильно, что парень посинел, как баклажан. Я поймал себя на мысли, что если через секунду он рискнет произнести хоть одно слово, то удавлю его прямо на месте, при свидетелях из окрестных домов, в этом засранном переулке. И тогда моим страданиям придет долгожданный конец! Мне не нужен будет новый паспорт! И не нужно будет думать о том, как заработать деньги, чтобы раздать долги! Меня посадят за убийство в тюрьму, где кормят бесплатной баландой и где сидят сотни тысяч таких же обколотых ублюдков, которые с удовольствием зарежут меня ночью на нарах, после того как им не удастся опетушить меня днем. Но на это мне наплевать, потому что я не хочу жить придурком в этой затраханной стране.

– Так кто из нас кто? – зашипел я на посиневшего наркомана, едва отпустив его трепыхавшийся, словно придушенный воробей, кадык. Я не представлял раньше, что могу так неудержимо ненавидеть и хотеть кого-то убить. Без малейшего сожаления держать за горло человекоподобное существо, будто курицу с оторванной башкой. Еще небольшое усилие с моей стороны – и он больше никогда не будет кукарекать! И при этом меня даже не пугала перспектива сесть в тюрьму. Пугало совсем другое – то чудовищное страдание и горе, которое я неизбежно доставлю своим самым близким людям, если совершу убийство этого никчемного жителя земли. Убить этого ублюдка означало практически убить мать, потому что она всегда обо мне думала лучше, чем я есть на самом деле…

Я медленно разжал кулак. Парень, как задыхающаяся рыба в сетке стал жадно глотать воздух, но больше не дергался, опустившись на асфальт. Он только

схватился руками за придушенную шею и почти не двигался. Это спасло его. Потому что во дворе дома, где я рос, были очень жесткие правила, но никогда не били лежачих. Я перевел взгляд на другого ублюдка, разинувшего от удивления слюнявый рот. Он не успел застегнуть ширинку и теребил ее левой рукой, а в другой держал пакет с моей едой. Заметив мой взгляд, сосредоточенный на пакете, он как-то дернулся и, видимо, что-то хотел сказать, но я, не раздумывая, расценил его действия как угрозу, вырвал пакет и на всякий случай врезал ему ногой по яйцам.

Полчаса спустя, возвращаясь из паспортного стола, я снова увидел эту парочку на том же углу. Один из них сидел на корточках в луже собственной мочи, а другой лежал на спине и держал себя за горло обеими руками. Когда он поднял глаза в мою сторону, мой кулак снова рефлекторно сжался, но я не стал его трогать, а только переспросил:

– Ну, что, чучело? Теперь ты понял, что был не прав?

Наркоман уставился на меня немигающим взглядом оловянного солдатика и всем видом изобразил, как ему больно в горле, но не посмел выдавить из себя ни единого звука. Мне не было его жаль. И я по-прежнему был готов убить его, если б он только дернулся. Мне было жаль мать, которая не пережила бы, что я стал убийцей.

Немного пройдя вперед, я завернул за угол и услышал над головой странный свист. Обернувшись, я увидел убегавшего мальчишку, которого некоторое время назад опрометчиво хотел накормить. Не успев пригнуться и отскочить в сторону, я словил лицом удар металлической палицы, которая оказалась здоровенным подшипником. Сноп искр рассыпался в моем мозгу, будто заработал газосварочный аппарат. Оправа очков сломалась как спичка, стекла жалобно звякнули и посыпались мелким бисером на асфальт. Подшипник смачно врезался в переносицу, разбил хрящ, будто тот был из тонкой яичной скорлупы.

Чтобы экономить деньги, я ничего не ел, но это было абсолютно бесполезно, так как экономить можно только тогда, когда есть хоть какие-то доходы. Я поселился в гараже Мишки Пестрова на окраине города. Однажды утром там меня нашла мать. Она сделала это каким-то одной ей известным таинственным способом. Увидев меня с разбитым лицом на продавленном матрасе, неделю немытого, она не выдержала и тихонько заплакала, как будто я был уже мертвый. Я не удивился ее появлению. Сделал усилие над собой, поднялся с

матраса и с трудом ее успокоил. Она достала дорожную сумку, накормила меня из пластмассового термоса теплым куриным бульоном с ложечки, а потом протянула небольшой конверт. Это была вершина моего позора, потому что в конверте лежали деньги, которые мать откладывала себе на похороны. Она уговаривала меня поехать жить к ней, но я наотрез отказался – слишком много людей узнали бы о моем чудовищном падении.

Страшно хотелось напиться. Но, к большому сожалению, я не имею такой привычки. Многие приятели говорят, что именно в этом корень моих проблем. И тем не менее заблеванные забулдыги, заливающие горе мерзкой водкой, ничего, кроме отвращения, у меня не вызывают.

Однако душа после вынужденного бездействия требовала поступка, впечатляющего и смелого! После короткого раздумья я пошел и отправил половину денег своей несчастной жене. Но этого мне показалось мало…

Напротив дома, где я прежде жил, находилась художественная школа. Из моих окон было отлично видно, как молодые художники учатся рисовать. Я наблюдал за ними в течение многих лет почти каждый день и завидовал свободе творить форму, облачая ее в стихию цвета, света и тени… Мой бывший бизнес зависел от тысяч разных обстоятельств и произвола бездушных чиновников, поэтому я работал почти всегда на грани чудовищного фола. Приходилось преодолевать невероятное сопротивление людей, главным занятием которых было вставлять палки в колеса и затем цинично наблюдать, как они будут перемалывать мои кости. Я устал от этой чудовищной зависимости, мне хотелось начать делать что-то без оглядки на самодурство разжиревших на откатах чиновников. Я безумно завидовал настоящим свободным художникам, их умению непринужденно передвигаться во времени и пространстве и тому, что результат их работы зависел только от таланта и усердия. В детстве я рисовал и даже одно время мечтал стать художником, но был для этого слишком непоседлив и нетерпелив. Мне всегда хотелось сделать нечто необычное. Я даже сам не знал, что. Это «нечто» было на уровне предчувствия. Я нашел в гараже кусок замасленной фанеры, а на оставшиеся деньги купил себе краски и растворители, чтобы заняться живописью. Я намеренно «забыл» купить себе поесть, чтобы сытый желудок не свалил меня спать. Хотел, чтобы голод окончательно проветрил мои мозги и толкнул на новую смелую авантюру взамен всей моей предыдущей жизни, потерпевшей сокрушительный крах. А, может, так и должно было произойти, и все, чем я так гордился прежде, не стоило и ломаного гроша? Так я начал свои первые опыты в рисовании.

Часть вторая

У Вальки Рысакова была походка Ричарда Гира из фильма «Американский жиголо». Так мягко и раскованно, непринужденно и свободно могут позволить себе ходить только очень состоятельные, уверенные в завтрашнем дне бабники, и даже геморрой не портит им походку. Но Валька был не рядовой бабник, он был настоящий сексуальный гангстер с шокирующими финансовыми возможностями и с возрастом не хотел менять привычек. После операции у нас было много времени для общения. Он рассказал, что уже четыре раза был женат, последняя жена родила ему сына, которого он забрал, после того как выгнал жену за то, что спуталась с охранником.

Он небрежно показывал мне фотографии, где были запечатлены его вилла с бассейном на берегу Средиземного моря, его катер, его серебристый кабриолет «Мерседес-SL500», его любовница в Лондоне, его любовница в Париже. Но самая красивая любовница жила в Москве. Ее звали Карина. В целом жизнь за границей казалась ему скучной, даже несмотря на разразившийся кризис, поэтому для восполнения адреналина он в последнее время все чаще приезжал в Россию.

Валька успел сбросить свои акции накануне того, как на NYSE начался катастрофический обвал, значит, он наверняка пользовался инсайдерской информацией. Но как бы там ни было, Валька еще раз продемонстрировал, что обладает звериным чутьем в отношении добычи денег. Пока большинство воротил бизнеса еще продолжали наивно питать иллюзии насчет всемогущества доллара, он, сидя в своем офисе в Швейцарии, быстро избавился от акций проблемных американских компаний и конвертировал полученный капитал в евро и юани. Только единицам удалось на кризисе невероятно заработать. Поэтому Валька имел все основания самодовольно потирать руки, когда в прессе упоминалось катастрофическое финансовое положение одного из самых молодых и богатых олигархов России.

Валька был убежден, что алюминиевый король Педираска, как он любил называть его, все равно выпутается, поскольку, женившись на внучке Ельцина, сумел максимально близко подобраться к кремлевской кормушке. Но в том, что империя Педираски трещала по всем швам, была, по мнению Вальки,

неизбежная закономерность. Кем был еще совсем недавно один из самых богатых людей России? Что позволило ему к тридцати годам сказочно разбогатеть и распоряжаться судьбами десятков тысяч людей? Он был гениальный рейдер! И самая главная его заслуга заключалась в том, что он сумел поставить этот разрушительный бизнес на поток. Но одно дело захватить бывшее государственное предприятие и совсем другое – эффективно управлять им и сделать прибыльным.

–Ты только подумай, – возбужденно размахивал руками Валька, – Педираска вместо одного морально устаревшего автомобиля под названием «Волга» вбухал кучу денег в производство другого раритета под названием «Крайслер-Сайбер». Американцы десять лет назад сняли его с производства, а он купил лицензию, устаревшее оборудование и пытается продавать вчерашний день. Кто он после этого? Уж точно не Генри Форд и не Ли Я Кокка! Это же полный аут, а не бизнес! ГАЗ теряет около ста миллионов долларов в год. И стоит ли после этого удивляться, сколько людей они оставили без работы? А все из-за того, что кто-то в Кремле поверил, будто Педираска может быть эффективным собственником и управляющим! Вот если бы он купил у японцев лицензию на производство Тойоты «Приус», тогда у нашего автопрома была бы хоть какая-то надежда выкарабкаться….

Я вспомнил, как пятнадцать лет назад Валька гнал цветные металлы эшелонами за границу и предлагал мне работать вместе с ним. Он говорил: «Ванька, чем ты занимаешься? Бросай свою работу! А, не хочешь? Хочешь заниматься творчеством и делать только то, что нравится? Чтобы тебе за это много платили и еще хвалили при этом? Так не бывает! Выбирай что-нибудь одно! Вот я… Я делаю скучную работу, но она приносит деньги! И у меня их много! И мне абсолютно наплевать, кто что обо мне скажет или напишет в газете. Если честно, я хочу только одного – чтоб член стоял и деньги были! Остальное меня не волнует!»

Тема возбужденного фаллоса была для Вальки очень болезненной и проходила лейтмотивом через всю его жизнь. Прошло пятнадцать лет и, лежа после операции в больничной палате «люкс», Валька говорил опять о том же:

– У мужчины в жизни две проблемы! Первая – пока ты молод, твой «лучший друг» возбуждается от малейшего дуновения ветра, и ты не знаешь, что с ним делать. И вторая – когда тебе за 40, ты уже знаешь, что с ним делать, но он не возбуждается! Может, это происходит потому, что я уже обожрался всем, чем

только можно: машинами, самолетами, катерами, женщинами. Помнишь, у Пушкина:

«Измены утомить успели,

Друзья и дружба надоели…»

Валька всегда охотно и театрально декламировал классиков, но следующие строки он, видимо, забыл, и пришлось продолжить мне:

«Затем, что не всегда же мог

Бифштекс и страсбургский пирог

Шампанской заливать бутылкой

И сыпать острые слова,

Когда болела голова…»

Боже мой, – подумал я, – как мне это близко! Особенно про больную голову!

–Мой отец умер в 75 лет от инфаркта, занимаясь сексом с девятнадцатилетней девчонкой, – продолжил Валька. – Он был учителем труда и перетрахал у себя в мастерской почти весь преподавательский состав школы, включая директрису и молоденьких пионервожатых. А я уже в сорок пять не ощущаю никакого оптимизма!

–Скажи мне, что тебя возбуждает, и я скажу, кто ты, – попытался пошутить я.

Валька на мгновение задумался и сказал многозначительно:

– Старик, ты не поверишь, теперь мне приходится прилагать для этого немалые усилия. Иногда я возбуждаюсь на охоте, когда удается завалить какого-нибудь дикого зверя. В прошлом году я летал в Западную Африку, в Камерун, чтобы охотиться на узкорылого крокодила, и понял, что чем больше угроза самому

стать жертвой хищника, тем круче адреналин! Но по-настоящему страшных зверей осталось очень мало.

– Многие эсесовцы тоже возбуждались, когда гнали толпы голых людей в газовые камеры. А Гроссман даже подробно описал, как некоторые арийские ублюдки, глядя на сцены массовых убийств, успешно занимались онанизмом.

– А при чем здесь онанизм? Я давно вышел из этого возраста, – по-детски обиделся Валька.

– Раз ты обожрался всем, чем только мог, может, тебе необходима клизма? – пытался я сострить и перевести разговор в менее серьезное русло.

– Ну, этого добра у меня в последнее время было предостаточно. Ванька, кстати, ты знаешь, что такое клизма с точки зрения коммунизма?

– Нет, даже не представляю.

– Запоминай, – и Валька процитировал одного известного сатирика, подражая Маяковскому:

В чем великая

цель

коммунизьма?

Здесь он сделал многозначительную паузу и поднял вверх указательный палец, а затем продолжил:

Вместо профиля

Ленина –клизьма!

– Правда, смешно? –спросил Валька.

А мне почему-то было грустно. Скажите, пожалуйста, он всем обожрался, и теперь ему требуется «клизьма». Мне бы его проблемы. Но я решил перевести разговор на другую тему.

– Неужели тебя, прирожденного мачо и старого сексуального террориста, перестали возбуждать красивые женщины? – спросил я, – это же стопроцентный адреналин! – а про себя подумал: «Особенно, пока они не знают, что у тебя есть куча бабла и динамят, как бедного студента!»

– Старик, к сожалению, меня больше не возбуждает ни Мулен-Руж, ни групповой секс, ни уж тем более дорогие модели и шлюхи, поскольку их поведение, как правило, вполне предсказуемо. Я привык за «любовь» платить! Как за пиво. Как за ужин в ресторане. А потом возбуждение возбуждению – рознь! Оно бывает качественно разное! Как температура кипения! Вода кипит при температуре всего 100 градусов, а для того чтобы закипел металл, необходимо не меньше тысячи! Но, к сожалению, я не встречал еще ни одной женщины, которая любила бы меня сильнее, чем мои деньги!

– А если завтра деньги кончатся?

Валька на секунду насторожился, в его глазах мелькнул нехороший блеск, затем он что-то прикинул в уме и выдал:

– Это невозможно.

– Почему? – удивился я.

– По разным причинам. Во-первых, потому, что я их надежно спрятал. Даже если у меня все захотят отнять, то останется еще достаточно, чтобы безбедно встретить старость моим внукам. Правда, я не представлял раньше, что наличие больших денег создает гораздо больше проблем, чем их отсутствие.

Мне ничего не оставалось делать, как выразить свое сочувствие бедному Вальке. Но потом не выдержал и рассмеялся. Уж очень комичная была ситуация.

– Что ты ржешь, как конь? – спросил он меня.

– Да ничего, балдею от полета твоих мыслей, – ответил я.

– Ты знаешь, почему в последнее время развелось такое огромное количество педиков? – неожиданно сменил тему Валька. – Потому что эти мужики не знают больше, чего им хотеть, и потому что их перестали возбуждать женщины!

– Никогда не думал, что педиками становятся от большого количества денег, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gronskiy_aleksandr/gazonokosil-schik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить